

Винсент — или, как его здесь называли, управляющий — по-видимому, был ошарашен её грубыми и прямолинейными действиями.

С отвращением на лице он нахлобучил шлем ей на голову, не желая видеть эту ненавистную половину лица.

Лайл всё ещё сжимала в руке платок, который он ей дал; если бы она не среагировала так быстро, её пальцы, прикрывающие нос и рот, оказались бы зажаты.

— Для такой, как ты, не имеющей даже удостоверения личности, тайное проникновение во Внутренний город — тяжкое преступление, — едва она успела перевести дух, как услышала голос Винсента. — Эта экспериментальная база имеет высший уровень секретности, и у меня есть все основания полагать, что ты — шпион, подосланный враждебными силами.

Тяжкое преступление — это не шутки, за такое и смертной казни не избежать.

— Согласно имперскому закону, даже нелегалы имеют право на судебное разбирательство, — он перебил Лайл, прежде чем она успела раскрыть рот, и добавил бесстрастным тоном: — Можешь поберечь силы и излагать свои оправдания уже в суде.

Винсент активировал оптомозг, вызывая охрану базы, чтобы те забрали задержанную.

Похоже, он твёрдо вознамерился убрать её с дороги.

Лайл широко раскрыла глаза:

— Не забывай, что это ты открыл мне «черный ход», и именно ты оформлял моё трудоустройство.

Её цель соблазнить Сири была проста: выманить немного денег на кибернетическую модификацию.

Винсента чуть не прорвало на смех:

— Она даже права на проживание во Внутреннем городе не имеет, ютится в трущобах!

— Возможно, она ушла куда-то по делам, — сидя за рабочим столом, Винсент устало массировал виски.

— Где ты её спрятал?! — в кабинет ворвался Сири, яростно требуя ответа.

Лайл, сидя в углу, холодно наблюдала за сценой, понимая, что в полицию её пока передавать не собираются.

Она не могла поверить в происходящее.

Он вспомнил их первую встречу: слабая, хрупкая Лайл подвергалась нападкам уличных хулиганов.

Самое важное — она была «бета среди бет», болезненная и слабая, даже такой изнеженный омега, как Сири, мог легко прижать её к стене.

— Все сотрудники базы проходят через биометрические замки на проходной, каждый фиксирует свой приход.

— Невозможно! — он сделал несколько шагов вперед, упершись ладонями в стол; его красивое бледное лицо исказилось от неприязни. — Лайл так усердно работала, даже не позволяла мне помогать ей! Сюда не ходят машины из внешних районов, я каждый вечер после смены сам провожал её домой!

Пока Винсент судорожно пытался придумать ложь, дверь кабинета распахнулась от удара.

Он был занят делами лаборатории, но, оглянувшись, обнаружил, что Лайл нигде нет.

Оказалось, что испытательный срок, о котором трепался этот мерзавец, был лишь предлогом для слежки.

Она всегда пробиралась через задний ход склада, переодевалась в рабочую форму, а уже потом её заводил внутрь Винсент.

Плохая новость: у неё нет документов, даже счета, куда можно перевести деньги.

— Сири глуп и доверчив. Будучи его женихом, я, конечно, должен был убедиться, что окружающий его социальный сброд под контролем, — Винсент скрежетал зубами; никто не сохранит хладнокровие, когда его так нагло делают рогоносцем.

Он знал эту базу до последнего винтика. Даже в суде он мог заявить, что не разоблачил её в первый же день, чтобы выманить «крупную рыбу», стоящую за её спиной.

Сбежать, прихватив наличные, — это не вписывалось в тот образ, который она создала перед Сири.

Сири, обычно задиравший нос и не баловавший его вниманием, рядом с этой бетой становился таким нежным и покорным, что, казалось, вот-вот растает.

У неё были способы обмануть его на деньги, но не было сил, чтобы сбежать с ними.

Нужно заставить его самого отказаться от неё.

На это потребуется время.

Он быстро зашел в кабинет, уничтожил бумажные досье на Лайл и удалил записи видеонаблюдения за всё время её работы.

— Ты об этом приказе о приёме на работу? — он измельчил листок бумаги, где красовалось имя Лайл и была вклеена её фотография.

Винсент вовсе не был так уверен в себе, как показывал Лайл.

Затем он обнаружил, что, за исключением тех нескольких дней, когда Сири уезжал домой на каникулы для помолвки, он каждый вечер приходил к ней, пока она работала.

Винсент неторопливо объяснял ситуацию, наслаждаясь тем, как лицо собеседника становится всё мрачнее.

— Ты что, не замечал, что она всегда ходила окольными путями? Только когда она была со мной, она попадала в зону обзора камер, — добавил Винсент.

Лайл знала, что Винсент связан с Сири, но не догадывалась, что эта связь держится лишь на одностороннем обожании последнего.

— Ты помогал ей работать? Она же просто уборщица! — Винсент был в шоке. — Ты, омега, шляешься по внешним районам! Ты хоть понимаешь, насколько там грязно и опасно?

Винсент вывел на голографический экран данные из оптомозга.

В душе его клочкотал гнев.

К тому же он только что собственными ушами слышал, как глупый, наивный Сири назвал его идиотом.

Он мог бы сделать так, чтобы нелегал исчез бесследно, но характер Сири — тот поднимет такой шум, что мало не покажется.

Охрана подросла быстро, и Лайл заперли в камере заключения базы.

Хорошие новости: господин Сири наивен, он искренне верит, что нашел родственную душу, не обращая внимания на разницу в социальном статусе, и готов защищать её до последнего.

Она быстро взяла себя в руки и произнесла:

— Здесь полно камер, я работала не покладая рук, видеозаписи — тому доказательство.

— Ну и что? — усмехнулся Сири. — Она такая добрая, хрупкая, безупречная... Чтобы уберечь меня, она никогда не позволяла мне выходить во внешние районы, всегда всё терпела в одиночку.

Чтобы любимый не страдал и чтобы у них было больше времени вместе, Сири сам предложил сначала устроить её на работу, а уже потом решить вопрос с документами.

Лайл стало не по себе: она-то всего лишь хотела денег, а Винсент решил отправить её на тот свет.

Винсент, глядя на экран, хмурился всё сильнее. Он решил, что, как и угрожал Лайл, сфабрикует против неё обвинения, чтобы Сири понял — она приблизилась к нему с нечистыми помыслами.

Когда он её спас, она со слезами на глазах прижалась к его груди, и Сири поклялся защищать её.

В трущобах нет защитных куполов, они постоянно страдают от эрозии песчаными бурями, поэтому люди вынуждены носить платки на головах, чтобы хоть как-то спастись от вездесущего песка.

Красивое лицо Лайл доставило ей немало проблем, поэтому, попав во Внутренний город, Сири попросил её не снимать платок, и она согласилась.

Какая она жалостливая и милая, как безоговорочно она ему доверяла.

Как только у неё будут официальные документы, она сможет свободно гулять по Внутреннему городу — именно это он ей обещал.

При мысли об этом ярость Винсента вспыхнула с новой силой, и он перестал следить за словами:

— Если бы не она, ты думаешь, я бы согласился на помолвку с таким, как ты?

— Ты думаешь, раз мы обручены, я теперь твоя собственность? Ты — никчемный отброс, даже не способный обеспечить себе документы, твоя любовь гроша ломаного не стоит!

Слова Сири ударили Винсента по голове, как обухом:

— Вот твоя причина предать меня?!

— Ты даже целовал её в лаборатории! — Винсент считал его поведение безумием. Он из последних сил сдерживал эмоции, боясь, что придушит Сири раньше, чем доберется до Лайл.
— Я носил тебя на руках, а ты подставлял лицо под её пощечины! Ты хоть понимаешь, насколько ты жалок?

Если бы не высокая степень совместимости с Сири, стал бы он после таких унижений пытаться вытащить его из дерьма?!

Тем не менее, он упрямо выпятил подбородок:

— Это я заставил её!

Они стояли на своем, никто не хотел уступать.

Рука Винсента, лежавшая на столе, сжалась в кулак так, что вздулись вены.

— Я спрашиваю в последний раз: где Лайл? — Сири сдерживал гнев, его грудь тяжело вздымалась.

— Не знаю, — холодно ответил Винсент. — У меня нет причин сводить счёты с какой-то бетой.

— Ты снова лжешь! — Сири указал на него пальцем, готовый взорваться от ярости. От напряжения лопнул уголок губ, который незадолго до этого расцарапала Лайл. — У нас с Лайл полное доверие. Чтобы я мог найти её в любое время, ей вживили чип идентификации.

Он проверил: Лайл точно на базе, но сигнал чипа постоянно глушится, поэтому он не может определить её точное местоположение.

Подозреваемый один — Винсент, управляющий с высшим уровнем допуска.

Винсент счел это абсурдом:

— Всё это лишь её уловки, чтобы одурачить тебя! Она — нелегал, если она сдохнет — никто и не узнает. Удивительно, что она не воспользовалась тем, что нашла такого дурака, как ты, чтобы выжать из тебя всё до капли!

Сири не желал больше тратить на него слова.

Он схватил Винсента за галстук, притянул к себе и впился губами в его рот — теми самыми губами, которые недавно целовали Лайл.

Это был первый поцелуй с тех пор, как они познакомились, и Винсент даже не подозревал, что

Лайл — вовсе не такая, как он описывает. Он не знал её, поэтому и понимал превратно.

Сири было жаль — чтобы подольше сохранить вкус Лайл, он даже не обработал рану, хотя всегда боялся боли.

Винсента стошнило от отвращения.

Он замер, прикрывая рот рукой, и начал искать глазами мусорную корзину.

— Не думай лишнего, — Сири отстранился и с помощью экстрактора собрал слюну Винсента в карту памяти с биологическими данными.

Он поцеловал его только для того, чтобы получить биологические данные и использовать этот доступ для поиска Лайл.

У бет нет своего запаха, но у Винсента он был, и перед встречей с Лайл Сири не забыл воспользоваться спреем-нейтрализатором, чтобы избавиться от запаха альфы.

В голове Винсента что-то взорвалось; он никогда не испытывал подобного унижения.

Прежде чем последовать за Сири, чтобы встретиться с той самой бетой, он вытащил из ящика стола лазерный пистолет, о котором забыл ранее, и засунул его в кобуру на поясе.

Сири появился, еще не успев войти, его голос опередил его самого.

Прежде чем открыть дверь камеры заключения, Сири сорвал с себя стеклянный шлем и с силой швырнул его в металлическую стену.

Осколки стекла разлетелись по полу.

Лайл, преодолевая боль, подобрала острый осколок и порезала ладонь. Она жалела себя и не решилась сделать глубокий порез, поэтому просто сняла защитный костюм и размазала капли крови по одежде, надетой под ним.

Войдя, Сири увидел, как она полуживая лежит в углу, и в панике бросился к ней.

Он использовал доступ Винсента, чтобы открыть вторую дверь, и, бережно поддерживая, поднял её, укладывая на свои руки.

Винсент стоял в стороне, холодно наблюдая за их спектаклем.

Лайл была бледна, её длинные ресницы дрожали, как крылья разбитой бабочки. Она посмотрела на Сири:

— Ты пришел...

— Лайл... не говори ничего, — он сжал её руку, а затем с диким выражением лица уставился на Винсента: — Как ты мог?! Даже шлем разбил! Ты что, не знаешь, что местный воздух для неё ядовит?!

— Какое у тебя жестокое сердце!

Сказав это, он повернулся к Лайл и дрожащим голосом принялся её утешать:

— Я сейчас же вызову врача, держись.

Мышцы на щеках Винсента непроизвольно дернулись:

— В камере заключения нет инъекций подавителей, не дай себя обмануть.

Он присел рядом с ними, сканируя её взглядом, словно острым лезвием:

— К ней никто не прикасался, а крови — кот наплакал. Это всё её постановка, приди в себя.

Лайл в нужный момент протянула свою раненую руку.

Она с обожанием посмотрела на Сири и окровавленной ладонью коснулась его щеки:

— Не ссорься из-за меня с управляющим, Сири.

— Я же говорила, что у нас нет будущего, — она плохо переносила боль, и при этих словах в уголках её глаз выступили слезы. — Управляющий искренне любит тебя, а я... я тоже искренне люблю... — Забудь, — она отвела взгляд, не договорив, и под испепеляющим взглядом Винсента горько усмехнулась: — Не вини его, я и сама не виню. Кто же виноват в том, что я не смогла удержаться и захотела стать к тебе ближе?

Сири, тронутая этим чистосердечным признанием, залилась слезами: — Не говори так, Лайл, я обязательно спасу тебя.

Она прижала руку к животу, который на самом деле вовсе не был ранен, и вдруг зашлась в притворном кашле, не сумев выдавить из себя ни капли крови. Не обращая внимания на готового убить её Винсента, они выглядели до крайности умильно.

Лайл как раз собралась продолжить свой спектакль, когда Винсент с сарказмом бросил: — Я уже вызвал медицинскую бригаду. Раз уж тебя не смущают мои методы, то я позабочусь о том, чтобы они как следует тебя подлечили.

Её веко дернулось. Она достала заранее приготовленный реквизит — тот самый носовой платок, который ранее дал ей Винсент. На белой ткани алели пятна крови и было что-то написано. Она чуть тронула губы улыбкой и обратилась к Сири: — Прости, я всё-таки не смогла сдержать чувств, хотя и не хотела об этом говорить.

На платке были выведены имена Сири и Винсента, а между ними нарисовано огромное сердце, внутри которого красовалось имя Лайл.

— Начальник Винсент сказал, что я тебя недостойна, и я признаю это, но никогда не хотела приватизировать тебя целиком, — она дважды кашлянула: — Мне так плохо... позволь мне побыть эгоисткой хоть раз. Я хотела тихо умереть вместе с этой вещью, но, видимо, всё-таки не смирилась.

Винсента от её слов чуть не стошнило. Сири же рыдала, узнав по вышивке, что платок принадлежал Винсенту: — Это правда он причинил тебе вред.

— Он просто слишком сильно тебя любит, — закончила Лайл и, как бы её ни просили, наотрез отказалась продолжать разговор с Сири. Она с надеждой посмотрела на Винсента: — Можно мне сказать начальнику два последних слова?

Винсент, положив руку на рукоять пистолета, усмехнулся: — А почему бы и нет?

Она притворилась, что не замечает убийственного блеска в его глазах, и жестом попросила наклониться, чтобы прошептать что-то на ухо. Её дыхание было лёгким, щекотало ушную раковину, и Винсент непроизвольно дёрнулся. Сири рядом металась в тревоге, не в силах разобрать, о чём они говорят.

Лайл не сказала ни слова. Лишь перед тем, как отстраниться, она вызывающе хихикнула: — Хи-хи.

Зрачки Винсента сузились, его феромоны окончательно вышли из-под контроля. Он наставил на неё лазерный пистолет, палец уже лёг на спусковой крючок: — Я убью тебя.

Сири заслонил её собой. Лайл, прильнув к его спине и положив подбородок на плечо, довольно посмеивалась.

— Какая жалость, — беззвучно произнесла она, глядя на Винсента.

Сквозь тонкую ткань она почувствовала, как под воздействием феромонов альфы температура тела Сири резко подскочила. Его лицо наливалось краской, начались непроизвольные судороги, а из тела потоком хлынули феромоны. Лайл, обнимавшая его со спины, чуть сдвинула закрывавшую лицо вуаль, обнажив изящный кончик носа, и, помахав рукой в воздухе, жадно вдохнула.

Когда даже Винсент, едва держась на ногах и отчаянно подавляя желание наброситься и поставить метку на Сири, начал терять контроль, она с усмешкой прошептала: — Какая жалость, только я одна этого не чувствую.

А ведь он сам при входе сказал, что в камере заключения нет инъекций подавителей. Как он вообще посмел остаться в одном помещении с омегой, у которого вот-вот начнётся период течки?

Сири, свернувшись калачиком на полу, закрыл глаза, его лоб пылал. Лайл отстранилась от него и весело зашагала к Винсенту. Сейчас он был совсем обессилен, и она без труда выхватила оружие из его рук. Она приблизилась, шипя, словно змея, наступила ему на ногу и, подняв голову, сжала его подбородок пальцами: — Если посмотреть так, ты довольно

симпатичный.

Она упёрла дуло пистолета ему в губы.

— Я серьёзно насчёт того, что вы идеальная пара, это правда, — с досадой сказала она: — Тебе не следовало так со мной поступать. Хотел убить меня? Как ты посмел?

— Убирайся, — Винсент стиснул зубы, его глаза налились кровью.

Лайл не приняла это близко к сердцу. Она перевела прицел на его локоть и выстрелила прямо в сустав предплечья. Отдача была такой силы, что её отбросило назад, а пистолет вылетел из рук. Под аккомпанемент болезненных стонов Винсента она наклонилась, подняла из лужи крови его отрубленную кисть, бросила быстрый взгляд на Сири и поспешила прочь.

Она не станет его убивать. Если он умрёт сейчас, биометрические данные перестанут действовать, и она не выберется из этой базы.

Лайл использовала его руку, чтобы открыть лабораторию №7, и выпустила оттуда того самого подопытного. Из капсулы во все стороны разлилась бледно-голубая жидкость, черноволосый мужчина выпал наружу и растерянно открыл глаза — он успел лишь увидеть удаляющуюся спину Лайл.

Стояла глубокая ночь, в базе было пусто. Лайл, напевая неизвестный мотивчик, бродила по коридорам. Конечно, она не собирается его убивать. Когда все обнаружат, что подопытный сбежал, а лаборатория повреждена, этому начальнику, потерявшему руку, явно не поздоровится. А ведь рядом ещё лежал омега.

Она не знала законов Империи и не была уверена, считается ли принудительная метка между женихами преступлением.

Лайл долго обыскивала кабинет Винсента, но не нашла ни гроша. Недовольно цыкнув, она вернулась в камеру заключения. Под яростным взглядом Винсента она вытащила из кармана его брюк чип идентификации. Его уцелевшая рука намертво вцепилась в её предплечье, в глазах пылала лютая ненависть.

Она нахмурилась и пнула его: — Ты сделал мне больно. Если не отпустишь, я изуродую и вторую твою руку.

Винсент крепко сжал челюсти, не проронив ни звука. После короткого противостояния он всё же разжал пальцы.

Лайл кокетливо похлопала его по руке: — Раз ты такой упорный, сделаю тебе ещё один подарок.

Она сорвала с головы небрежно повязанную вуаль и, преодолевая онемение от отдачи, дважды выстрелила в брошенную на пол ткань. На мягкой материи мгновенно появились два обугленных дымящихся отверстия.

Перед ним открылось прекрасное, как роза, лицо. Эта женщина со змеиным сердцем улынулась: — Когда Сири очнётся, хорошенько подумай, как ты будешь объяснять ему, куда подевался его пропавший возлюбленный.

Выйдя из Внутреннего города, Лайл укуталась в плащ, спасаясь от ночной пыльной бури.

Море Песков — так назывался этот город.

Империя построила его посреди бескрайних песков, и целиком он напоминал гигантский кольцеобразный космический корабль. Над всем городом висел невидимый защитный купол, автоматически отводящий песчаные ветры. Лайл смотрела на голубой столб света, уходящий в небо из центра города — там находился космопорт для межзвёздных перелётов.

Истинная сила и истоки Империи лежали в звёздном пространстве, а Море Песков было важной земной территорией, подконтрольной Тиату, одному из могущественных альф, входящих в число Двойных звёзд Империи. Говорили, что здесь они проводят какие-то важные эксперименты.

Лайл облизнула пересохшие губы и свернула в подземную клинику. Владелец и врач здесь были в одном лице. Она указала на ряд кибернетических протезов на полке и сказала: — Мне нужна кибернетическая модификация. Прямо сейчас.

Владелец чуть приподнял веки. Он хорошо запомнил эту бету, которая когда-то приходила, чтобы продать своё тело, но оказалась недостаточно хороша в размерах.

Она указала на серебряную руку из жидкого металла на самом верху: — Эту. Самую новую модель.

— Сначала деньги, — лениво отозвался хозяин из-за стойки.

Лайл пододвинула к нему чип идентификации: — Абсолютно новый. Это стоит гораздо дороже, чем какой-то там протез.

То, что достал Винсент, она сейчас боялась использовать, вот и решила пустить в дело как трофей, оплатив операцию.

Хозяин выпрямился и наконец посмотрел на неё по-настоящему: — Разбогатела? А ведь раньше даже на б/у накопить не могла.

Убедившись, что чип пуст — нужно было лишь записать данные личности и биометрию, — он повёл Лайл в операционную с улыбкой: — Ты хорошо подумала? Модификация необратима.

Альфы рождаются с чудовищной силой, омега оберегает правительство, а беты с положением могут использовать генетические препараты для развития способностей. Лишь бедняки-беты и ущербные альфы надеются на кибернетическую модификацию, чтобы повысить силу. Граждане Империи презирали таких людей.

— Хорошо подумала, — Лайл легла на операционный стол, чувствуя нетерпение.

Хозяин ввёл ей наркоз в левую руку и отсёк предплечье. Эта кибернетическая рука обладала поразительной хваткой: хоть она и не убьёт альфу, но может сделать его полуживым, так что без защиты она не останется. Операция прошла успешно. Хозяин пришёл к механической руке искусственную кожу, и, если не приглядываться к швам, невозможно было догадаться, что это протез.

— Неплохая техника, — она села на кровати и размяла новую руку.

Взгляд Лайл был прикован к висевшему над ними телевизору. Там крутили новости о командующем Моря Песков, одной из Двойных звёзд Империи — Тиате. Она указала на экран и сказала: — Помоги мне вытатуировать здесь имя Тиата. О, и ещё имя его возлюбленного.

Хозяин, повидавший всякое, удивился: она была первой, кто решил набить на руке имя возлюбленного самого командующего. — Ты тоже им восхищаешься?

Лайл кивнула, глядя на экран: — Конечно. Самый влиятельный человек в этом городе, кто же его не полюбит?

В конце концов, это её следующая цель.

Она погладила два имени, только что вытатуированных на руке. Подготовка к тому, чтобы стать частью их семьи, практически завершена, а теперь всё зависит от её актёрского мастерства.— О, кстати, — Лайл окликнула уходящего владельца: — Сними ещё чип слежения у меня на шее.

У бет нет желез, но когда она соблазняла Сири, специально вживила туда чип позиционирования. Как там говорилось? Для омега быть укушенным в железо — это мучительная метка, а она просто хотела быть на одной волне с Сири, чувствовать то же, что и он. Милый Сири был невероятно тронут.

На чипе ещё остался кусочек плоти. Она коснулась забинтованного места, погрузившись в раздумья. Денег от продажи того чипа идентификации хватит с лихвой, даже после оплаты операции. Лайл отказалась от купюр, которые протянул хозяин, и, лукаво сощурившись, сказала: — Остаток денег потрачу на покупку информации.

Она узнала историю любви Тиата и его возлюбленного, а также его расписание на ближайшие дни.

План был идеален, но возникла неожиданная заминка. Тот подлец Винсент оказался на редкость живучим: после побега подопытного его не отстранили от должности, и он отправил целую ораву людей в трущобы на поиски. У этих людей были фотографии, и на одной из них была она.

Она и понятия не имела, когда это успела стать сбежавшим подопытным.

Лайл лежала за кучей песка, выплёвывая набившийся в рот песок, её лицо выражало крайнюю степень недовольства. Эта банда перекрыла ей путь к встрече с Тиатом, и она уже слышала гул приближающихся броневиков.

<http://bllate.org/book/21009/2136016>